

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ. ТЕОЛОГИЯ. ЭКЗЕГЕТИКА

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.050

УДК 1(091)

*Д. А. Черноглазов**

ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР В ФОРМЕ ПЛАТОНОВСКОГО ДИАЛОГА: ЗАМЕЧАНИЯ О ТРАКТАТЕ *CONTRA APHTHARTODOCETAS* ЛЕОНТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО**

Леонтий Византийский — выдающийся византийский богослов VI в. Неплохо изученные с позиций теологии, сочинения Леонтия не анализировались с точки зрения их языка и литературной формы. Предмет настоящего исследования — трактат Леонтия «Против афтартодокетов», основную часть которого составляет диалог между автором и его оппонентом. В статье характеризуется жанровая природа этого диалога. Демонстрируется, что в нем отчетливо проявляются черты платоновской традиции. Сходство с платоновским диалогом отражается в трех аспектах. Во-первых, Леонтий использует сократовский диалектический метод. Во-вторых, он ведет беседу в характерном для Сократа ироничном тоне, притворно принижая себя и преувеличенно восхваляя собеседника. В-третьих, в диалоге можно найти лексические параллели с диалогами Платона. Делается вывод, что диалог Леонтия следует рассматривать в контексте других диалогов в платоновской традиции, создававшихся в ранневизантийскую эпоху.

Ключевые слова: Леонтий Византийский, *Contra Aphthartodocetas*, афтартодокетизм, платоновский диалог, диалектический метод, ирония.

* Черноглазов Дмитрий Александрович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; d.chernoglazov@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–44263 «Формирование понятия «теологии» как науки и ее концептуального аппарата в византийской христианской теологической мысли конца V — начала VIII вв. в контексте научно-философского знания поздней античности».

Chernoglazov D. A.
**CHRISTOLOGICAL DISPUTE IN THE FORM OF A PLATONIC DIALOGUE:
SOME NOTES ON THE TREATISE *CONTRA APHTHARTODOCETAS*
BY LEONTIOS OF BYZANTIUM**

Leontios of Byzantium is an outstanding Byzantine theologian of the 6th century. Studied substantially from the standpoint of theology, Leontios' writings were not analyzed from the point of view of their language and literary form. The subject of this research is Leontios' treatise «Contra Aphthartodocetas», the main part of which is a dialogue between the author and his opponent. The article discusses the literary form of this dialogue. It is demonstrated that the features of the Platonic tradition are clearly manifested in it. The similarity with the Platonic dialogue is reflected in three aspects. Firstly, Leontios uses the Socratic dialectical method. Secondly, he conducts a conversation in an ironic tone characteristic of Socrates, pretending to belittle himself and exaggeratedly praise his opponent. Thirdly, in the dialogue one can find lexical parallels with Plato's dialogues. It is concluded that Leontios' dialogue should be considered in the context of other platonizing dialogues, written in the early Byzantine era.

Keywords: Leontios of Byzantium, Contra Aphthartodocetas, Aphthartodocetism, Platonic dialogue, dialectical method, irony.

Леонтий Византийский (кон. V в. — 1 пол. VI в.) — одна из центральных фигур в богословской полемике эпохи Юстиниана I. Сохранилось шесть трактатов, безусловно принадлежащих этому автору*. Неплохо изученный в контексте христологической полемики VI в., корпус сочинений Леонтия почти вовсе не анализировался с позиций лингвистики и истории ранневизантийской литературы. Между тем, филологическое исследование этих текстов обещает быть вполне продуктивным — даже поверхностное чтение трудов Леонтия показывает, что они разнообразны по жанровой форме, изобилуют выразительными образами, выходящими за рамки общих мест, и написаны изящным литературным слогом. Хотя бы отчасти заполнить эту лакуну мы и попытаемся в настоящей статье. Предметом нашего исследования станет лишь одно произведение Леонтия — трактат «Против афтартодокетов» — большая часть которого написана в форме диалога между автором, отстаивающим православное вероучение, и приверженцем афтартодокетизма. Мы постараемся показать, что этому диалогу присущи отчетливые черты платоновской традиции.

Полное название трактата — «Диалог с теми из наших, которые присоединились к извращенному учению афтартодокетов» (сокр. лат. *Contra Aphthartodocetas*)**. Сам автор включил этот трактат в трилогию, содержащую также сочинение «Обличение и опровержение противоположных учений Нестория и Евтихия о божестве и человечестве Христа» и памфлет «Победоносное разоблачение невыразимого и основополагающего нечестия несториан и их предшественников»***. Интересующий нас трактат был написан, вероятно, в начале 40х гг. VI в и направлен против приверженцев афтартодокетизма, т. е. учения о нетленности тела Христа. С кем именно из афтартодокетов спорит Леонтий, остается предметом научной дискуссии — ясно лишь то,

* О жизни и сочинениях Леонтия Византийского см.: [4]

** Изд.: [12, р. 338–408]. О трактате см.: [15], [3].

*** Изд., соотв.: [12, р. 126–264] и [12, р. 412–522].

что позиция его оппонентов была близка к учению Юлиана Галикарнасского, но не идентична с ним*.

Трактат открывается введением, в котором автор объясняет, почему он взялся за этот труд, и в общих чертах излагает свою аргументацию [12, р. 338.1–346.7]. Далее следует диалог между автором и неким «мудрецом» из афтартодокетов [12, р. 346.8–384.22]: оппонент Леонтия один за другим формулирует доводы в пользу своего учения, а Леонтий — путем совместных рассуждений и наводящих вопросов — пытается его разубедить и опровергнуть его позицию. В результате, афтартодокету оказывается нечем возразить Леонтию, хоть открыто он поражение не признает. Леонтий ведет диалог от первого лица: реплики автора, как правило, сопровождаются ремаркой «сказал я», а реплики собеседника — «сказал он». Однако имен персонажей в диалоге нет — реплики автора обозначаются крестом, а реплики оппонента — астериском**. Заключением трактата служат 27 святоотеческих цитат, подтверждающих православное учение [12, р. 386.1–408.20].

Итак, основную часть трактата составляет диалог автора с приверженцем афтартодокетизма, и мы попытаемся показать, что, выстраивая эту беседу, автор осознанно следует античному жанру философского диалога, разработанному Платоном. Во-первых, убеждая оппонента в своей правоте, Леонтий использует сократовский диалектический метод. Во-вторых, автор ведет беседу в характерном для Сократа ироническом тоне, притворно принижая себя и преувеличенно восхваляя собеседника. В-третьих, в диалоге можно найти немало лексических параллелей с платоновскими диалогами, сразу отсылавших образованного византийского читателя к хорошо известному античному жанру. Рассмотрим эти три фактора по отдельности.

СОКРАТОВСКИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

В предисловии к трилогии, включающей и интересующий нас трактат, Леонтий Византийский пишет: «Чтобы не путаться в лицах, [участвующих в диалоге], недоумевающего (τοῦ διὰ λόγου — иначе: «вопрошающего») обозначим звездочкой, а разрешающего недоумения (τοῦ τὰς λύσεις ἐλάττωντος) — изображением креста» [12, р. 118. 23–28]. Если бы сам диалог до нас не дошел, то это его описание могло бы создать у нас превратное представление о его структуре и характере действующих лиц. На деле распределение ролей оказывается совсем другим: афтартодокет, чьи реплики обозначены астериском, почти не задает вопросов и далек от недоумения, но, напротив, уверенно — особенно поначалу — формулирует свою позицию, а православный alter ego Леонтия не разрешает недоумений и не отвечает, а, наоборот, задает вопросы и заводит собеседника в логический тупик. Подобно Сократу, Леонтий не поучает

* О датировке и «адресатах» трактата см.: [3]

** В общем предисловии к трилогии Леонтий объясняет значение этих символов: астериск означает «смутное и непроясненное знание», а крестом «вооружается защитник истины» [12, р. 118. 26–28].

оппонента, излагая ему православное учение в готовом виде, а предлагает ему вместе рассуждать о вопросах, о которых он сам желал бы знать больше, и задает ему наводящие вопросы, цель которых — изобличить собеседника в том, что он противоречит сам себе, заставить его самого признать свою неправоту и таким образом привести его к «рождению» истины^{*}.

Метод проявляется уже с самого начала диалога. Так, когда оппонент упоминает о «чудесной и великой тайне божественного Воплощения», автор признается, что он «охотно бы обрел знание о способе воплощения», который можно уяснить себе посредством «тщательного изыскания». Собеседник соглашается «исследовать этот вопрос вместе», и автор, рассуждая и задавая ему наводящие вопросы, шаг за шагом приходит к заключению, что Бог воспринял плоть человека без каких-либо изменений, т. е. «плоть, которая страдает, как наши тела, и во всем с ними сходна». Собеседник уверенно соглашается, формулируя риторический вопрос: «Кто же достиг такой степени безумия, чтобы не признавать этого за истину и причислять тех, кто думает иначе, к осужденным?» Однако, вопрос оказывается не риторическим, и автор отвечает: «Таковы, конечно, те, кто определяет тело Христа как бесстрастное» — приверженцы афтартодокетизма [12, р. 346.26–348.29]. Так оказывается, что оппонент Леонтия противоречит себе и осуждает своих собственных единомышленников.

Еще одной яркой иллюстрацией вопросно-ответного метода, который используется Леонтием, послужит отрывок, где собеседники обсуждают цитату из книги Деяний Апостолов «не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления» (Деян. 2:31). Настаивая на том, что плоть Христа нетленна, афтартодокет приводит эти слова, и тогда Леонтий не излагает ему собственное толкование цитаты, а принимается «испытывать» оппонента наводящими вопросами [12, р. 368.20–370.23]**:

+ Она не видела тления, как то, что от природы способно истлевать? Или нет? Ответь.

* Как то, что не способно, — говорю прямо и без экивоков.

+ Что ж, то же самое тебе надлежит утверждать, конечно, и о душе. Ведь пророк благодарил от лица Спасителя вместе и за то, и за другое, когда произнес «не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления».

* Действительно, мне следовало бы сказать то же самое о душе Господа, поскольку она не способна по природе оставаться в аду.

+ Но разве мы не признаем, что душа спустилась в ад?

* Я бы не стал этого отрицать, но Он вовсе не был удержан.

+ Отличается ли по природе от наших душ душа Господа?

* Дело не в отличии, а в том, что в соединении с Господом душа оказывается выше и сильнее власти ада.

+ Таким образом, не благодаря своей природе (ведь она обладала природой подобной всем прочим душам), но благодаря божеству Слова, вместе с которой душа сошла во ад, Он не только освободился от удержания, но и разорвал узы тех, кто удерживался там и верил в Него.

* Так и есть.

* О сократовском диалектическом методе см., например: [1].

** Здесь и далее перевод трактата «Против афтартодокетов» приводится по изд.: [2]

+ Мы можем точно так же думать и о плоти Господа, а именно, что в силу подобия Его плоти телам прочих людей, она как умерла, так и могла истлеть. Но то, что она не истлела, указывает не на изменение природы, но на всемогущую и действенную силу божественной помощи — точно так же, как хождение по водам не было проявлением природы тела, а признаком Божества. Таким образом, природе тела свойственно умирать, но то, что оно не истлевает, указывает на силу Божества.

* Я и сам думаю так.

+ Но почему же тогда ты, как в поговорке, «хорошо приносишь, но хорошо не разделяешь», приписав плоти то, что свойственно природе, а то, что выше нее — невыразимой и сверхсущностной силе Слова? Ведь тем самым ты бы устранил противоречие в речениях, приведенных выше, и уловил бы истину...».

Так, с помощью наводящих вопросов Леонтий вынуждает оппонента согласиться с православной трактовкой цитаты из книги Деяний Апостолов, т. е. признать, что плоть Христова не истлела не потому, что ее природа стала нетленной, а благодаря всеильной божественной помощи — «по закону чуда», а из этого следует, что данная цитата не может служить аргументом в пользу учения афтартодокетов. Впрочем, собеседник не признает, что был неправ, *expressis verbis*, но заходит с другой стороны, указывая, что о тленности Христа в Писании нигде напрямую не говорится — и тогда Леонтий вновь прибегает к диалектическому методу. Теперь задача автора — привести оппонента к выводу, что слова Писания о рождении, возрастании и изменении Спасителя свидетельствуют и о тленности его плоти, и, оказавшись в логическом тупике, тот должен утверждать, что такое рассуждение справедливо по отношению к человеческим телам, а «в случае с телом Спасителя дело обстоит не так», и Леонтий выводит из этого абсурдное заключение, что Господь «вовсе не рождался», и Его придется назвать «плодом воображения» [12, р. 370.31–376.4]. Это заставляет оппонента формулировать новые аргументы, и беседа продолжается в том же духе. Следует, впрочем, отметить, что финальная реплика — достаточно пространная — принадлежит автору, и остается неизвестным, пересмотрел ли еретик свою позицию или остался при своем мнении.

ИРОНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ВЕДЕНИЯ БЕСЕДЫ

Леонтий ведет беседу в откровенно иронической манере. Как Сократ в платоновских диалогах, он выступает как εἴρων, т. е., с одной стороны, притворно принижает свои собственные познания, а с другой — преувеличенно восхваляет мудрость собеседника^{*}.

Обратимся к одному из эпизодов диалога, где ирония Леонтия проявляется особенно отчетливо [12, р. 366.19–368.11]. Намереваясь привести несколько цитат из Писания, опровергающих мнение оппонента, автор не напрямую

* О Сократе как «хитреце», притворно принижавшем себя (εἴρων), в противоположность «хвастуну» (ἀλαζών) см. в «Никомаховой этике» Аристотеля: Arist. EN. 1127b. Об иронии в византийской литературе см.: [13].

изобличает противника, а с подчеркнутой неуверенностью отмечает, что ему «вспомнились» речения, которые, «кажется, имеют смысл, противоположный вашему», и просит собеседника «истолковать их». Далее автор приводит эти цитаты и в заключение спрашивает: «Не кажется ли тебе, что эти речения противоречат тем, которые ты привел ранее, и что мы все больше запутываемся в сетях затруднений?» Это «мы» примечательно: автор делает вид, будто он не знает, как на самом деле разрешить эти затруднения, и словно недоумевает вместе с собеседником. Не в силах согласовать цитаты со своим учением, оппонент пытается уйти от ответа, утверждая, что «в этих речениях полно неясностей, если только не случится некий истолкователь, который, взирая на истину, исправит кажущееся несоответствие в них», и тут ирония автора достигает предела: он выражает уверенность, что этот истолкователь — не кто иной как его «мудрейший» собеседник: «Так давай, любезнейший, открой без обиняков затемненный смысл этих речений, обнажи для нас истину, вне зависимости от того, у тебя ли она или ты заимствовал ее у кого-то другого». Возвышенный стиль этой реплики подчеркивает ее иронически-насмешливый характер.

В диалоге можно найти и другие случаи, когда автор иронично подшучивает над собеседником. Так, когда тот утверждает, что Спаситель «страдал не по необходимости природы, а по закону домостроительства», автор отвечает, что «сказанное ничем не отличается от загадки (αἰνίματος οὐδὲν ἀλάδειν)» [12, р. 354.26]. Когда оппонент явно противоречит сам себе, автор «почтительно» замечает ему: «Мне кажется, друг мой, ты забываешь собственные слова» [12, р. 354.1]. На слова же, что бесстрашие и неподверженность гибели плоти Господа «основывались на непогрешимых законах природы», Леонтий реагирует риторическим вопросом: «И откуда ты взял это, друг мой? Кто тот оракул (ὄψοφίτης), который внушил тебе эту странную мудрость?» [12, р. 360.28–29] Так ирония оборачивается неприкрытым сарказмом.

В репликах Леонтия можно найти и примеры принижения себя, но некоторые из них отсылают нас не столько к сократовской традиции, сколько к христианскому самоуничижению и к общим местам средневековой литературы. Так, когда собеседник заявляет автору, что тот не сможет обосновать свою позицию, Леонтий смиренно, но не без пафоса отвечает: «Ты правильно говоришь, обращая внимание на нашу немощь (ἀσθένειαν). Но истина, сражаясь вместе с нами, сражается против тех, кто нападает на нее» [12, р. 374.11–12]. Истина не омрачается тем, что она изложена безыскусным и нескладным слогом — распространенный мотив в устах византийских писателей¹. Еще один показательный пример: когда собеседник замечает автору, что тот «говорит правильные вещи» и «подражает Василию Великому» в описании телесных страстей, Леонтий не упускает случая подчеркнуть: «Ничто иное из сказанного мной тоже не является моим (Οὐδὲ ἄλλο τι τῶν εἰρημένων... ἔστιν ἐμὸν) — я все беру у отцов» [12, р. 374.1–2]. Эти слова, отрицающие какой-либо собственный вклад автора, можно сравнить с известным высказыванием Иоанна Дамаскина в предисловии к его «Диалектике»: «Я не скажу ничего своего (Ἐγὼ δὲ ἐμὸν μὲν... οὐδέν), но, собрав воедино написанное избранными учителями, насколько воз-

¹ См., например, в хронике Георгия Монаха (IX в.): [9, р. 2. 9–24].

можно, сделаю изложение сжатым» [7, проем. 60–62]. Также можно вспомнить и сходное заявление хрониста Феофана Исповедника: «Мы ничего не сочинили от себя, но, собрав у древних историографов и логографов, расположили события каждого года на их собственных местах» [5, р. 4.13–15].

Итак, мы показали, что в диалоге с афтартодокетом Леонтий избирает ироничный стиль ведения дискуссии и позволяет себе лишь тонкие и завуалированные насмешки, тогда как на поверхности беседа проходит, по его собственным словам, «дружелюбно и ласково» (ἀγαπητικῶς τε καὶ πραέως — 12, р. 352.9). В этом отношении исследуемый трактат резко контрастирует с другим сочинением Леонтия, где он тоже отвечает на реплики оппонентов — с трактатом «Против учений Нестория и Евтихия». Например, в ответ на одно из суждений оппонентов, выраженное в нейтральной форме, Леонтий раздражается потоком оскорблений, не имеющих ничего общего с ироничной насмешкой:

«Что нам сказать на это? Что еще, кроме того, что к ним подходят слова Писания «знание неразумного — бессмысленные слова» (Сир. 21:18). Не разжевав и потому не переварив свои собственные слова, произошедшие от дурной пищи невежества они — как бы сказать об этом повежливей? — изрыгают в нашу сторону потоки блевотины и пары, отнюдь не благоуханные» [12, р. 156. 21–25].

В таком же ключе написано и третье сочинение Леонтия, входящее в его трилогию, трактат «Победоносное разоблачение невыразимого и основополагающего нечестия несториан и их предшественников» — полноценный риторический псогос, где автор называет оппонента, Феодора Мопсуэстийского, «жалким» (δειλαίος — 12, р. 426.20), «гнусным» (βδελυρός — 12, р. 420.19), «порочным» (μιαρός — 12, р. 420.23), «природой, самой изобретательной во зле» (τῶν κακῶν ποριωτάτη φύσις — 12, р. 430. 8–9) и т. д. Талантливый литератор и интеллектуал, Леонтий Византийский одинаково хорошо владеет разнообразными литературными стилями и облекает свои идеи в различные жанровые формы.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ С ДИАЛОГАМИ ПЛАТОНА

В диалоге Леонтия с афтартодокетом можно найти немало слов и лексических оборотов, часто встречающихся в диалогах Платона. Наиболее очевидные из этих параллелей — формы обращения и краткие реплики, выражающие согласие, одобрение или недоумение.

Леонтий и, намного реже, его собеседник употребляют пять форм обращения, и из них всего одна не используется персонажами платоновских диалогов. Рассмотрим эти формы:

1. ὁ βέλτιστε ‘лучший’, ‘прекраснейший’ [12, р. 352.8, 354.1, 356.26, 360.28, 364.27, 374.30, 378.9]. Обращение весьма распространено в диалогах Платона, встречается 42 раза, например: Pl. Euthphr^{*}. 4a7, Ap. 24e1, Cri. 48a5, Phd. 117a8.

* Пер. Т. А. Шукина.

** Ссылаясь на диалоги Платона, мы используем сокращения, принятые в словаре: H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones. A Greek–English Lexicon.

2. ὦ θαυμάσιε ‘дивный’ [12, р. 346.18, 376.12]. В платоновских диалогах слово же распространено, как и предыдущее — встречается 40 раз, например: Cra. 439c7, Tht. 151c6, Sph. 238d4, Phlb. 26c8.

3. ὦ φίλτατε ‘милейший’ [12, р. 348.3]. В диалогах Платона используется три раза: Cra. 434e4, Smp. 173e1, Hr. Mi. 370e10.

4. ὦ φίλότης ‘друг’ [12, р. 352.9]. Формула используется в диалоге «Федр»: Phdr. 228d6.

5. ὦ καλέ τε καὶ ἀγαθέ ‘совершенный’ [12, р. 368.9]. В качестве формы обращения это словосочетание не зафиксировано ни в платоновских диалогах, ни вообще где-либо в классической древнегреческой литературе, но часто встречается в византийских текстах. Между тем, оба прилагательных по отдельности можно найти и у Платона: καλέ ‘прекрасный’ — 4 раза, например Phlb. 26b8; ἀγαθέ ‘добрый’ — 5 раз, например Prt. 311a3.

Вторую категорию параллелей с платоновскими диалогами составляют реплики, выражающие согласие, одобрение, недоумение и т. д. Приведем несколько примеров:

Εὖ λέγεις ‘ты верно говоришь’ [12, р. 348.1]. В диалогах Платона словосочетание зафиксировано 31 раз, например: Chrm. 159b7, Grg. 447b9, Ion 530b2, Ti. 21a4. Другой вариант этой формулы — Εὖγε, ὦ βέλτιστε ‘Верно, прекраснейший’ [12, р. 352.8] — находит точную параллель в диалоге «Горгий»: Εὖγε, ὦ βέλτιστε (Grg. 494c4).

Πάνυ μὲν οὖν ‘превосходно’ [12, р. 352.15, 372.13]. В диалогах Платона формула встречается 100 раз, например: Euthphr. 4a8, Ap. 26b7, Phd. 63b3, Cra. 394d1.

Ὅρθότατα λέγεις ‘ты правильно говоришь’ [12, р. 372.30]. Формула встречается 18 раз в «Филебе» и «Законах» Платона, например: Phlb. 29e4, 49c6, Lg. 656a6, 754a3.

Ἀληθέστατα λέγεις ‘ты говоришь истинную правду’ [12, р. 350.25]. В диалогах Платона формула встречается 36 раз, например: Cra. 435e5, Tht. 158a4, Prm. 133a4, Lg. 661e5.

Κάλλιστά γε τὸν τῆς ὀρέξεως ὄρον ἀποδέδωκας ‘ты прекраснейшим образом определил вожделение’ [12, р. 374.18]. Можно указать несколько параллелей, например, из диалога «Менон» (Men. 100b1): Κάλλιστα δοκεῖς μοι λέγειν ‘Мне кажется, ты говоришь прекраснейшим образом’, или из диалога «Политик» (Plt. 311c7): Κάλλιστα αὖ τὸν βασιλικὸν ἀτετέλεσας ἄνδρα ἡμῖν, ὦ ξένε, καὶ τὸν πολιτικόν ‘О чужеземец, ты прекрасно завершил для нас [облик] царственного мужа и политика’.

Πῶς... τοῦτο λέγεις; Οὐ γὰρ δὴ τοῦ ῥηθέντος συνίημι ‘Что ты имеешь в виду? Я не понимаю твоих слов’ [12, р. 382.15]. Вопрос Πῶς λέγεις; ‘Как это?’, ‘Что ты имеешь в виду?’ встречается в диалогах Платона десятки раз, например: Ap. 24e4, Phd. 72b6. Но еще более явная параллель к тексту Леонтия содержится в диалоге «Федр»: «Что ты имеешь в виду? Я не понимаю» (Πῶς λέγεις τοῦτο; οὐ γὰρ μανθάνω — Phdr. 257e7).

Αἰνίγματος οὐδὲν ἀπάδειν... τὸ ῥηθέν ‘Сказанное ничем не отличается от загадки’ [12, р. 354.26]. Сходное выражение можно найти в диалоге «Хармид», где Сократ так отзывается о неясном суждении: «Было бы удивительно, если бы мы обнаружили, как [понимать] эти [слова] — ведь они напоминают загадку (αἰνίγματι γὰρ τινι ἔοικεν)» (Chrm. 161c8–9).

Помимо формул приветствия и кратких реплик, играющих роль связующих звеньев диалога, в диалоге Леонтия можно найти и другие, не столь явные лексические параллели с платоновской традицией. Так, например, в диалоге встречается форма ἐννεύθηκα ‘я подумал’, ‘я сообразил’ [12, р. 364.1], которая в античной литературе зафиксирована, в основном, в платоновских диалогах (например: R. 375b4, Cra. 401e6, Phdr. 235c7, Hp. Mi. 369e2). Леонтий трижды употребляет слово συνδιασκέλλω / συνδιασκέλλομαι ‘вместе рассматривать’ [12, р. 346.32, 352.10, 374.2] — редкий глагол, который несколько раз повторяется в диалогах Платона, например: R. 458b6, Prt. 361d6. Дальнейшее исследование диалога «Против афтартодокетов», возможно, выявит и другие параллели, свидетельствующие о том, что Леонтий хорошо знал труды античного философа и осознанно на них ориентировался.

Мы показали, что, излагая свой спор с афтартодокетом, Леонтий Византийский во многом подражает диалогам Платона. Он не ожесточенно опровергает оппонента, как это происходит в других трактатах Леонтия, а «вежливо» и иронично, наводящими вопросами подводит его к истине и заводит в тупик, хотя конечный результат — признает ли афтартодокет ошибочность своей позиции — так и остается неясным. Явными маркерами, отсылающими к традиции платоновского диалога, служат и словесные обороты, характерные для Сократа и его собеседников. Впрочем, стилистическое сходство остается неполным: по сравнению с диалогами Платона, диалогу Леонтия Византийского недостает сюжетной канвы и декораций, а его персонажам — индивидуальных личностных черт. Леонтий не вымышляет никакой житейской ситуации, в которой бы встретились его герои, да и вообще не дает им даже имен, довольствуясь условными обозначениями — астериском и крестом.

Следует подчеркнуть, что Леонтий стал далеко не первым византийским автором, избравшим античную форму философского диалога в сфере христианского богословия. Синтез формы платоновского диалога с христианским содержанием совершился еще на рубеже III и IV вв., в двух диалогах Мефодия Олимпийского — «Пир десяти дев, или О целомудрии» [14] и «О свободе воли» [11]. Далее, на рубеже V и VI вв. были созданы еще два диалога в платоновской традиции, посвященных христианской тематике — «Феофраст» Энея Газского [9] и «Аммоний» Захарии Схоластика [17], последний из которых, впрочем, занимает промежуточную позицию между платоновским диалогом и полемическим диспутом. Трактат «Против афтартодокетов» Леонтия замыкает этот ряд*, и — насколько мы можем судить — в дальнейшем жанр платоновского диалога возрождается уже только в IX в., после эпохи «Темных веков». Вообще, византийцы часто прибегали к этому жанру — и не только в сфере богословия, но и в области логики (как «Ксенедем» Феодора Продрома) и даже этикетных норм обращения (как «Феофил и Иерокл» Евстафия

* К эпохе Юстиниана I относится еще один диалог в платоновской традиции, но он не имеет отношения к богословским вопросам, а касается политической теории. Диалог называется «О политической науке», и принадлежит неизвестному автору. Текст сохранился лишь в отрывках и в пересказе патриарха Фотия. Пример показывает, что в VI в. платоновский диалог как жанр был хорошо известен и распространен. См.: [10, S. 301].

Солунского). Однако, история жанра философского диалога еще не написана*, и, как показало наше исследование, трактат Леонтия должен рассматриваться и в этом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кессиди Ф. Х. Сократ. — СПб.: Алетейя, 2001.
2. Леонтий Византийский. Диалог против тех из наших, которые присоединились к губительному учению афтартодокетов / пер. с греч. Тимура Шукина, коммент. Олега Ноговицина и Тимура Шукина // ESSE. Философские и теологические исследования. — 2021. — Т. 6, № 1/2. — С. 209–237.
3. Шукин Т. А. Трактат Леонтия Византийского «Против афтартодокетов»: реконструкция учения оппонентов // ESSE. Философские и теологические исследования. — 2021. — Т. 6, № 1/2. — С. 191–208.
4. Шукин Т.А., Беневиц Г. И. Леонтий Византийский / Православная энциклопедия. — 2020. — Т. 40. — С. 534–545.
5. Theophanis chronographia / ed. C. de Boor. — Т. 1. — Leipzig: Teubner, 1883.
6. Dialogues and debates from late antiquity to late Byzantium / ed. A. Cameron, N. Gaul. — London; New York, Routledge, 2017.
7. Die Schriften des Johannes von Damaskos / ed. P. B. Kotter. — Т. 1. — Berlin: De Gruyter, 1969. P. 47–95, 101–142.
8. Enea di Gaza. Teofrasto / ed. M. E. Colonna. — Napoli: Iodice, 1958.
9. Georgii monachi chronicon / ed. C. de Boor. — Leipzig: Teubner, 1904
10. Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. — Bd.1. — München: Beck, 1978.
11. Le «De Autexusio» de Méthode d'Olympe: version slave et texte grec édités et traduits en français / ed. A. Vaillant. — Paris: Firmin-Didot, 1930.
12. Leontius of Byzantium: Complete Works / ed. B. E. Daley. — Oxford: Oxford University Press, 2017.
13. Ljubarskij Ja. N. The Byzantine Irony: The Case of Michael Psellos // Byzantium: State and Society: In Memory of N. Oikonomides / ed. A. Abramea, A. E. Laiou, E. K. Chrysos. — Athens, 2003. — P. 349–360.
14. Méthode d'Olympe. Le banquet / edd. H. Musurillo, V.-H. Debidour. — Paris: Éditions du Cerf, 1963.
15. Perrone L. Il «Dialogo contro gli aftartodoceti» di Leonzio di Bisanzio e Severo di Antiochia // Cristianesimo nella storia. — Bologna, 1980. — Vol. 1. — P. 411–443.
16. Trizio M. Socrates in Byzantium / ed. C. Moore. The Brill Reception of Socrates. — Brill, 2019.
17. Zacaria Scolastico. Ammonio. Introduzione, testo critico, traduzione, commentario / ed. M. E. Colonna. — Napoli, 1973.

* О платоновских диалогах в Византии см. сборник статей [6], а также [16].